
ПРЕДИСЛОВИЕ

Государственная природа уголовного судопроизводства, как ни странно, крайне мало изучена. С позиций современной науки можно сказать, что она не изучена вовсе. Восприятие имманентной связи уголовного судопроизводства с государством остается инерционным. В практической плоскости она сомнений не вызывает — негосударственного уголовного процесса не существует, включая международные уголовные суды, которые также покоятся на соглашениях соответствующих государств. Но в плоскости теоретической все сложнее. С одной стороны, признание того, что только государство обладает правом применять в уголовно-процессуальном порядке уголовные санкции, что исключительно ему принадлежит монополия на уголовную юстицию («принцип власти или официальной инициативы»)¹, по-прежнему является в уголовно-процессуальной теории общим местом. С другой стороны, за этим не следует никакой вынужденной концептуализации — государственное начало уголовного процесса специально не исследуется, не отражается в большинстве актуальных доктринальных построений. Оно словно выводится за скобки дальнейшего уголовно-процессуального дискурса, в лучшем случае скрываясь за разнообразными эвфемизмами наподобие «принципа публичности», «публичного интереса» и т. п. Их коннотация с государством очевидна, но требует определенной интеллектуальной реконструкции, упирающейся в фразу Ульпиана о том, что «публичное право есть то, которое относится к положению римского государства»², когда государственная природа уголовного процесса превращается в жесткую цепочку смыслов: государство → публичное право → уголовный процесс → принцип публичности. Но если

---

¹ *Piquerez G., Macaluso A. Procédure pénale suisse. Genève; Zurich; Bâle, 2011. P. 6, 140–141.*

² Римское частное право. М., 1948. С. 4.

для французского или швейцарского юриста данная цепочка смыслов отчетливо выражена в пропитанном римскими корнями повседневном юридическом языке, где *publique* (публичный) и *étatique* (государственный) есть полные и взаимозаменяемые синонимы, то для юриста российского это уже не всегда так. Он вполне может броситься в рассуждения, например, о том, что на смену публичности в уголовный процесс приходит диспозитивность. Означает ли это, что уголовный процесс перестает быть государственным? Нет, не означает — столь радикальные трансформации, как правило, в виду не имеют. Это означает другое: эвфемизмы, по традиции отсылающие нас к «публичному» вместо государственного, не являются более самодостаточными, лишь выхолащивая из уголовного судопроизводства его изначальную сущность. К ней требуется вернуться, взглянув на уголовный процесс с позиций именно государства, а не его косвенных юридических обозначений.

Более того, сегодняшнее уголовное судопроизводство живет в условиях фундаментального идеологического разлома, когда под сомнение ставится всё: и государство, и право, и, следовательно, само уголовное судопроизводство. Вспомним модные в последние десятилетия теории об «обществе без государства», о том, что государство должно исчезнуть вместе со своей «принудительной монополией на оказание услуг по защите (полиция и суды)», быть может, «даже вместе с правом»¹. Звучит чрезмерно радикально? Наверное. Но, строго говоря, очень многие современные идеи, построенные на доктрине глобализации, направлены именно на преодоление государств вместе с их национальным правом, пусть иногда и в относительно завуалированной форме. Стоит ли удивляться, что подобный дискурс ныне можно услышать в среде не только экономистов и философов, но и специалистов по уголовному праву и процессу: дескать, не настала ли пора, когда «концепция “всепроникающего государства” в сфере уголовной юстиции начинает разрушаться», и может ли это «положить однажды конец самому уголовному праву»², а также, разумеется, уголовному процессу?

¹ Rothbard M.N. Society without a State // Nomos. 1978. Vol. 19. P. 191.

² Jung H. Le plaider coupable et la théorie du procès pénal // Le droit pénal à l'aube du troisième millénaire. Mélanges offerts à Jean Pradel. Paris, 2006. P. 809.

Следовательно, если сегодня и есть в уголовно-процессуальной науке что-то по-настоящему актуальное, то это проблема государства и его роли в организации и функционировании уголовного судопроизводства. Данная проблема в явной или не всегда явной форме красной нитью проходит через все современные дискуссии и инновации, будь то цифровизация, значение решений ЕСПЧ, медиация или, допустим, европейский ордер на арест. Избавиться от государства, права, уголовного права, уголовного процесса пока никому, конечно, не удалось. Но «вышивание» вокруг государственной, системообразующей для уголовного процесса линии разнообразных «стяжек» и «узелков» становится тем лейтмотивом, который определяет в наше время почти все серьезные уголовно-процессуальные реформы и начинания, в силу чего взгляд на уголовное судопроизводство со стороны государства необходим не только для заполнения концептуальных лакун, скопившихся за период инерционного развития доктрины государственного характера уголовного судопроизводства, но и для понимания логики происходящего, а также перспектив дальнейшего развития в условиях идеологического противостояния государству и его институтам.

Таков замысел настоящей книги. Что касается ее структуры, то она очевидна и, думается, в особых пояснениях не нуждается: государство творит уголовное судопроизводство, институционально конструирует его в организационном и процессуальном смыслах, затем участвует в нем, но не напрямую, а посредством образованных и легитимированных им органов и учреждений, их должностных лиц. Более того, сегодня оно еще и отвечает за уголовное судопроизводство — больше отвечать за него (политически и юридически), как оказалось, некому. Внутри каждой из этих трех опций анализа находятся очень многие проблемы уголовного процесса, которые сегодня принято считать «актуальными» и которые на поверку лежат в русле великого современного концептуального столкновения между государственным естеством уголовного процесса и попытками его размыwania. Но последнее косвенно также означает, что без государства уголовное судопроизводство не только не может существовать, но и быть правильно понято.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГОСУДАРСТВО КАК ТВОРЕЦ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

---

§ 1. Государство как единственный источник легитимности уголовно-процессуального права

Современное уголовное судопроизводство не может существовать вне государственной легитимации. Иначе говоря, нет просто «уголовного процесса», который мог бы создаваться и применяться на абстрактном уровне, без государственных органов власти, государственных законов, государственных судов, государственных границ и т. п. Уголовный процесс всегда институционально принадлежит какому-либо государству, создается им, приводится в действие, что, в частности, выражается в традиционной атрибутивной лингвистической конструкции «уголовный процесс Российской Федерации», «уголовный процесс США», «уголовный процесс Италии» и т. п., которую мы часто видим в заглавиях учебников, монографий, научных статей и о смысле которой давно перестали задумываться в силу его очевидности. Другими словами, государство является в *формальной плоскости* единственным источником легитимности уголовно-процессуального права. Последнее действует и позволяет решать уголовно-процессуальные задачи только потому, что создано соответствующим государством в пределах территории, на которую распространяется суверенитет данного государства. Это аксиома. Ее следствием является то, что уголовный процесс всегда принадлежит определенному государству в том же самом смысле, в каком последнему принадлежат территория, границы, суверенитет и прочие атрибуты, часто именуемые признаками государства¹. Без такой принадлежности государству уголовный

---

¹ См., например: *Марченко М.Н.* Теория государства и права. 2-е изд. М., 2004. С. 54–61.

процесс теряет свои качества *реального* правового механизма, перестает быть уголовным процессом России, Великобритании или Франции и превращается в науку, теорию, академическую дисциплину, область знаний и т. п.

Теперь поставим вопрос несколько иначе: существуют ли источники уголовно-процессуального права, которые не исходят от государства, т. е. возникают и легитимируются, превращаясь в нормы права, минуя формальные государственные институты? Ясно, что обсуждать данную проблему применительно, например, к Конституции или уголовно-процессуальному законодательству, в том числе, разумеется, кодифицированному (уголовно-процессуальные кодексы), нет ни малейшего резона. Сам порядок принятия конституций и законов, внесения в них изменений и дополнений исключает возможность каких-либо внеэтикетских спекуляций, поскольку речь идет о конституциях и законах именно государства и ничего другого. Нет, пожалуй, резона обсуждать данную проблему и применительно к разнообразным источникам права судебного происхождения, будь то решения конституционных судов, существующие в некоторых правовых системах так называемые судебские правила¹, действующие в других правовых системах так называемые разъяснения высших судов (Постановления Пленума Верховного Суда РФ и т. п.) или знаменитые судебные прецеденты. Какова бы ни была юридическая природа каждого из этих актов, все они принимаются, издаются, выносятся, утверждаются национальными судами как представителями одной из *государственных* властей, так как суд неразрывно связан с государством².

Судейское правотворчество и нередко с ним связанный судебский активизм могут быть, конечно, способами обхода демократических процедур, когда суды призваны или сами стремятся принять те правовые и политические решения, которые лежат в русле некоего «мейнстрима», но непопулярны у населения, что делает политически крайне обременительным

---

¹ См., например: *Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А.* Уголовный процесс западных государств. 2-е изд. М., 2002. С. 54–57 (применительно к Англии).

² См. об этом: *Суд и государство* / Под ред. Л.В. Головкин, Б. Матвеев. М., 2018; *Строгович М.С.* Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 47–48.

или даже невозможным их принятие представительными органами власти, избранными этим самым населением¹. Однако недемократический (не основанный на демократической легитимности) характер тех или иных источников права отнюдь не означает их характер негосударственный. Напротив, они при этом остаются государственными источниками уголовно-процессуального права, пусть и созданными за рамками демократических парламентских процедур.

В связи с этим есть только два гипотетических источника уголовно-процессуального права, чей государственный характер не видится *a priori* очевидным. Один из них является «угасающим» — речь идет о **правовом обычае**, а другой, наоборот — бурно развивающимся, имея в виду разнообразные **международно-правовые нормы, стандарты** и т. п. Остановимся на них чуть подробнее.

Известна роль **правового обычая**, т. е. социального регулятора, не закрепленного в каких-либо исходящих от государства формальных источниках права, но признаваемого большинством населения соответствующей страны, области, территории, обязательным, в развитии, например, гражданского права². Более того, значение в гражданском праве «обычая как регулятора общественных отношений осознается и современным законодателем»³, подтверждением чему служит Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. Но есть ли место правовому обычаю, по крайней мере, в его классическом понимании, среди источников современного уголовно-процессуального права? Пожалуй, нет.

Если взять хрестоматийные примеры уголовно-процессуальных правовых обычаев, приводимые в западноевропейской литературе, то нельзя не отметить две тенденции. *Во-первых*, все эти обычаи или скорее даже правоприменительные обыкновения постепенно, но неуклонно теряют свой неписанный характер и интегрируются в законодательство. Иначе говоря, они утра-

---

¹ См. об этом специальную монографию: *Mathieu B. Le droit contre la démocratie?* Paris, 2017 (в русском переводе: *Матьё Б. Право против демократии?* М., 2021. С. 131–132 и др.).

² См. об этом: *Козлова Н.В., Филиппова С.Ю.* Обычай в гражданском праве // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 63–64.

³ Там же. С. 64.

чивают качества обычая и становятся законодательной уголовно-процессуальной нормой, легитимированной государством. Например, в Бельгии, где до сих пор действует наполеоновский Кодекс уголовного следствия 1808 г. (в бельгийской редакции), закон долгое время не содержал никаких положений о возможности производства, помимо предварительного следствия, также полицейского дознания под надзором прокурора, хотя на практике такое дознание не только производилось, но являлось самой распространенной формой досудебной подготовки уголовных дел. Не содержал закон и положений о праве прокурора отказаться от возбуждения уголовного преследования по мотивам его нецелесообразности (при наличии формальных признаков преступления), что не мешало прокурорам делать это весьма часто. Доктрина и судебная практика против такого рода творческих дополнений закона не только не возражали, но, напротив, легитимировали их через конструкцию правового обычая, отмечая, что он является одним из источников бельгийского уголовно-процессуального права¹. Однако Закон от 12 марта 1998 г. дополнил Кодекс уголовного следствия соответствующими положениями, легализовавшими данные бельгийские «обычаи», в результате чего последние исчезли не по существу, а именно по форме (как источник права), став законом. То же самое произошло в Швейцарии, где фундаментальные принципы *in dubio pro reo* (все неустранимые сомнения в пользу обвиняемого) и *ne bis in idem* (нельзя дважды преследовать за одно и то же деяние) на протяжении длительного времени считались «правовыми обычаями», не будучи нигде закреплены². Сегодня они содержатся в ч. 3 ст. 10 и в ч. 1 ст. 11 УПК Швейцарии, принятого в 2007 г. и вступившего в силу в 2011 г. Ни о каких «обычаях» речь уже не идет.

Во-вторых, даже в этих бельгийских или швейцарских уголовно-процессуальных обычаях, если считать их таковыми (до включения соответствующих положений в законы), что само по

¹ См., например: *Quarré Ph. Procédure pénale. Bruxelles. 1990/1991. P. 11; Du Jardin J., Masset A. Les mouvements de réforme de la procédure pénale et la protection des droits de l'homme en Belgique // Revue internationale de droit pénal. 1993. № 3–4. P. 950.*

² См.: *Piquerez G. Précis de procédure pénale suisse. Lausanne. 1994. P. 69–70.*

себе спорно¹, нет ни малейшего проявления «народного духа», исходящих снизу социальных практик, укоренившихся в населении правил поведения и прочих хрестоматийных атрибутов правового обычая. Здесь есть совершенно иное: сложившиеся в деятельности *государственных* органов правоприменительные обыкновения, основанные на весьма широком толковании уголовно-процессуального закона с целью заполнения исторически возникших в нем правовых пробелов и имеющие не народный, а сугубо государственный характер. Во всяком случае, наши представления о государстве как единственном источнике легитимности уголовно-процессуального права они поколебать не могут. Не исключено, что уже под другим (много более критическим) углом зрения чисто социологические методы исследования позволят нам обнаружить и какие-то иные уголовно-процессуальные «практики», заметно влияющие «изнутри» на функционирование уголовного судопроизводства того или иного государства. Но есть все основания полагать, что такие «практики» в большинстве ситуаций следует рассматривать не как позитивные регуляторы (как в приведенных исторических бельгийском или швейцарском примерах), а как негативные девиации, например, коррупционного характера (особенно в некоторых странах). К теории правовых обычаев они отношения не имеют.

Проблема влияния на современное уголовно-процессуальное право *международно-правовых норм*, казалось бы, много сложнее, особенно на фоне сегодняшнего дискурса о неких «международных стандартах»², якобы регулирующих уголовное судопроизводство извне, т. е. помимо государства. Но если оставить пока в стороне *soft law* (рекомендательные акты так называемого мягкого права³), которое, строго говоря, вообще

---

¹ В описанных бельгийских и швейцарских примерах можно увидеть и просто наличие в законах пробелов, и связанное с ними расширительное толкование законов, и применение аналогии закона, и применение аналогии права, и многое другое, что не имеет никакого отношения к институту правового обычая.

² См., например: Автономов А.С. Международные стандарты в сфере отправления правосудия. М., 2007.

³ О понятии «мягкого права» см., например: Ульяшина Л.В. Международно-правовые стандарты в области прав человека и их реализация: теория и практика применения. Вильнюс, 2013. С. 141–151.

ничего не регулирует, а лишь влияет на подлинные источники регулирования, к чему мы еще в этой работе вернемся, то сложнее она выглядит только на первый взгляд, по крайней мере в интересующем нас контексте. Понятно, что никакого регулирования «извне» в данном случае нет: международное право действует в уголовном судопроизводстве только в той мере, в какой оно легитимировано соответствующим государством, ратифицировавшим тот или иной международный договор, содержащий уголовно-процессуальные положения. Это касается не только международных договоров конкретно-технического характера, чаще всего двухсторонних, определяющих порядок оказания по уголовным делам международной правовой помощи, выдачи, передачи для уголовного преследования или исполнения наказания и т. д., но и международно-правовых актов фундаментального уровня, допустим, о правах человека¹.

Скажем, до ратификации Россией в 1998 г. или Францией в 1974 г. Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. ни собственно положения данной Конвенции, ни вытекающие из нее решения ЕСПЧ не имели ни малейшего отношения к российскому или французскому уголовному судопроизводству. Большое значение они стали иметь только после того, как названные государства ратифицировали Конвенцию и официально признали юрисдикцию ЕСПЧ в соответствии со своими Конституциями и национальным законодательством. Если предположить, что какое-то время спустя эти или другие государства денонсируют данный международный договор, то как Конвенция 1950 г., так и ЕСПЧ со своими решениями вновь превратятся для них просто в «сравнительно-правовой опыт», ценный, интересный, полезный, но никак не могущий считаться источником уголовно-процессуального права.

---

¹ Как справедливо отмечается в литературе, «исходя из традиционных постулатов международного права, только акты, основанные на выраженном консенсусе главных субъектов международного права — государств, обладают безусловной юридической силой и порождают правовые последствия на международном и национальном уровнях. Например, договор, международный обычай, общепризнанные принципы права обладают процессуальной легитимностью постольку, поскольку все они создаются и принимаются при непосредственном участии государств» (*Ульяшина Л.В.* Указ. соч. С. 133). Аналогично см.: *Chevallier J. L'État post-moderne*. 4 éd. Paris, 2014. P. 124.

Примеры у нас уже есть, их немало, пусть они и имеют отношение не к Конвенции 1950 г., а к другим международно-правовым договорам, что в теоретическом плане ничего не меняет. Так, выход Великобритании из Европейского Союза (ЕС) как суверенный акт британского государства автоматически означает пересмотр номенклатуры источников уголовно-процессуального права данной страны, место среди которых актов Евросоюза еще вчера казалось незыблемым. Распоряжение Президента РФ от 16 ноября 2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» влияет на наше отношение к МУС не только в формальном, но и в чисто психологическом плане, так как Россия, подписав Римский статут, его так и не ратифицировала, а теперь официально объявила, что не будет этого делать. Следовательно, даже международная уголовная юстиция, вокруг создания которой было сломано столько копий и которая представляется многим едва ли не наднациональным механизмом внешнего происхождения (чуть ли не естественным правом «во плоти»), на самом деле без государственной легитимации оказывается пустым звуком.

Единственная сложность оценки действия международно-правовых норм в рамках уголовного судопроизводства того или иного государства заключается в расщеплении в некоторых случаях международного права на «первичное» и «вторичное». Наибольшее развитие данное явление получило в рамках Европейского Союза (ЕС), где давно выделяют так называемое первичное право ЕС (ранее «первичное право Европейских сообществ» — *droit communautaire primaire*) и «вторичное» или «производное право ЕС» (ранее «вторичное (производное) право Европейских сообществ» — *droit communautaire secondaire (dérivé)*)¹. Первое представляет собой международные договоры в традиционном понимании, которыми создаются сам ЕС и его органы, т. е. оно исходит непосредственно от государств (Маастрихтский договор, Лиссабонский договор и др.). Второе — это нормы, принимаемые органами, созданными на основании первичного права ЕС, т. е. оно исходит уже не от государств, а от сформиро-

¹ См. об этом, например: Pradel J., Corstens G. Droit pénal européen. 2 éd. Paris, 2002. P. 465–466.

ванных последними органов Евросоюза (Европарламента, Европейской комиссии, Европейского суда справедливости и др.).

До недавнего времени вторичное (производное) право ЕС никак не затрагивало уголовное судопроизводство, так как органы ЕС «законодательствовали» исключительно в сфере экономики и смежных сферах. Однако с заключением в 2007 г. Лиссабонского договора ситуация изменилась, поскольку в нем появились положения, которыми государства-члены ЕС делегируют органам ЕС определенные нормативные полномочия и в области уголовного судопроизводства. В результате стали возникать акты, принимаемые не государствами, а непосредственно органами ЕС: Директива Европейского Парламента и Европейского Совета (Директива ЕС) от 25 октября 2012 г. о минимальных правах, поддержке и защите потерпевших; Директива ЕС от 3 апреля 2014 г. о европейском ордере на производство следственных действий; Директива ЕС от 9 марта 2016 г. о презумпции невиновности и др. Следует ли теперь сказать, что это поколебало взгляд на государство как на единственный легитимный источник уголовно-процессуального права?

Вопрос значим еще и потому, что теория «производных (вторичных)» источников международного права при желании вполне может быть экстраполирована и на другие международно-правовые (европейские) отношения, ведь конвенциональные органы есть не только в ЕС, но и в рамках других международных организаций, допустим, ООН или Совета Европы (тот же ЕСПЧ). Хотя мы прекрасно понимаем, что в деятельности ООН, как и в большинстве других подобных случаев, «вторичное (производное)» право всегда является исключительно «мягким» (*soft law*)¹, так как все органы того же ООН (допустим, Генеральная Ассамблея) вправе принимать лишь акты рекомендательного характера, кроме Совета Безопасности, который не занимается, разумеется, вопросами уголовного процесса, в логику функционирования Совета Европы такой подход иногда вписывается

---

¹ На это справедливо обращается внимание в литературе применительно к международно-правовым стандартам в области прав человека (МСПЧ): «значительная группа нормативных актов, закрепляющих МСПЧ, принимается международными организациями, не наделенными компетенцией по установлению предписаний, которые порождали бы юридические обязательства для государств» (Ульяшина Л. В. Указ. соч. С. 133).

очень хорошо, поскольку решения ЕСПЧ (своего рода «производное» или «вторичное» право Совета Европы) для признавших его юрисдикцию государств обязательны.

Впрочем, ответить на поставленный вопрос необходимо отрицательно. При всей значимости «вторичного» права Евросоюза или решений ЕСПЧ никаких абсолютно автономных от государства источников уголовно-процессуального права не возникает и в данных случаях. Во-первых, уголовно-процессуальные директивы ЕС не являются для государств актами прямого действия — они обязательны лишь в том смысле, что государства должны имплементировать в свое национальное уголовно-процессуальное законодательство содержащиеся в них положения, т. е. речь идет об актах не столько регулирования, сколько гармонизации. Решения ЕСПЧ также не подлежат в нормативно-правовой плоскости прямому действию, поскольку исполняются они лишь *inter partes* (в отношении участников конкретного дела), а по остальным делам учитываются исключительно доктринально, не будучи уголовно-процессуальными нормами в строгом смысле и не определяя порядок производства по уголовным делам на территории Российской Федерации и других государств¹. Реальным инструментом влияния соответствующих «источников» права (директив Евросоюза, решений ЕСПЧ и др.) на национального законодателя и правоприменителя служит политическое давление, которое в состоянии оказывать на государство Евросоюз или Совет Европы. Оно может быть большим или меньшим, к этому вопросу мы еще вернемся, но в любом случае остается давлением сугубо политическим. Не более того. Во-вторых, «вторичное» право ЕС или решения ЕСПЧ значимы для государств только в той мере, в какой они сохраняют статус членов (именно как государства) соответствующих региональных международных организаций. Выход государства из ЕС или Совета Европы немедленно прекращает действие не

---

¹ Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и протоколов к ней», во-первых, речь идет о применении российскими судами именно Конвенции, а не решений ЕСПЧ (как автономных источников права). Во-вторых, Верховный Суд говорит о *правовых позициях*, содержащихся в решениях ЕСПЧ (п. 2), а не о содержащихся в них нормах права.

только «первичного», но и «вторичного» права, которое никакой негосударственной автономией не обладает, применяясь лишь до тех пор, пока на это согласно государство.

Итак, все попытки найти какой-то отличный или хотя бы существенно автономный от государства источник уголовно-процессуального права оборачиваются неудачей. В юридической плоскости такой поиск бесплоден. Причем речь идет о константе, которая представляется незыблемой в видимой исторической перспективе. Но тогда возникают два других вопроса. *Первый* из них заставляет нас отделить формальное от реального: если в формально-юридическом плане государство продолжает оставаться *единственным* источником легитимности уголовно-процессуального права или, если угодно, единственным «хозяином» своего уголовного процесса, институциональных конкурентов которому нет и не предвидится, то насколько это соответствует реальности? Другими словами, не похоже ли государство на современных европейских монархов, сохранивших атрибуты высшей государственной власти, но утративших какие-либо реальные властные прерогативы, превратившись в чистые символы? Пример с монархами является, конечно, некоторым преувеличением, но сам по себе вопрос праздным не выглядит. Он заслуживает специального анализа, им мы займемся несколько позже¹. В самом общем виде речь идет о гипотетической внешней зависимости государства в выработке своего уголовного судопроизводства, т. е. зависимости «по горизонтали», которая может не затрагивать правовые формы источников права, но проявляться на геополитическом, просто политическом, международном, экономическом и других уровнях реального бытия, учитывая, что современное государство как юридическая личность встроено в бесконечные сложные горизонтальные отношения большей или меньшей зависимости от других участников этих отношений, причем часто для права нетипичных, включая разнообразные регуляторы, унификаторы, гармонизаторы, стандартизаторы, контролеры за соблюдением прав человека и т. п.²

¹ См. § 3 и 4 данной главы.

² См. о таких участниках отношений с государством подробнее: *Chevallier J.* Op. cit. P. 125–133.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Глава первая

ГОСУДАРСТВО КАК ТВОРЕЦ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

§ 1. Государство как единственный источник легитимности уголовно-процессуального права .	6
§ 2. Уголовно-процессуальное право и государственный суверенитет	20
2.1. Классический подход	20
2.2. Новейшие отклонения от классического подхода ...	31
2.2.1. Отклонения от классического подхода в сторону самопроизвольного ограничения государственного суверенитета: институты европейских ордеров в праве ЕС.....	31
2.2.2. Отклонения от классического подхода в сторону самопроизвольного расширения государственного суверенитета.....	43
А) Проблема универсальной юрисдикции	44
Б) Цифровизация и иные способы получения доказательств в обход традиционных процедур международного сотрудничества	56
§ 3. Внешнее вмешательство в нормативную организацию государством уголовного судопроизводства под эгидой глобализации и защиты прав человека	73
3.1. Официальное процессуальное вмешательство в организацию государством своего уголовного судопроизводства.....	78

3.2. Официальное непроцессуальное вмешательство в организацию государством своего уголовного судопроизводства.	96
3.3. Неофициальное вмешательство в организацию государством своего уголовного судопроизводства .	106
3.3.1. Вмешательство со стороны иностранных государств	106
3.3.2. Вмешательство со стороны международных организаций	121
3.3.3. Вмешательство со стороны неправительственных организаций	135
§ 4. Сохраняет ли государство суверенный контроль за своим уголовным судопроизводством?	146

Глава вторая

ГОСУДАРСТВО КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

§ 1. Участвует ли государство в уголовном судопроизводстве?	164
§ 2. Разделение властей в уголовном судопроизводстве и уголовно-процессуальные функции	180
2.1. Разделение властей в органическом смысле и классическая триада: суд, прокуратура, полиция. Проблема специальных органов расследования.	183
2.2. Разграничение государственных функций в уголовно-процессуальном смысле: дознание, предварительное следствие, прокурорский надзор, уголовное преследование (государственное обвинение), правосудие	221
§ 3. Разграничение государственных уголовно-процессуальных функций, не являющееся разделением властей	269
3.1. Принципиальная процессуальная многосубъектность судебной деятельности.	270
3.2. Принципиальная процессуальная односубъектность прокурорской деятельности	283

3.3.	Техническая процессуальная многосубъектность полицейской деятельности	292
3.4.	Следственная деятельность: между принципиальной односубъектностью и технической многосубъектностью.	299
§ 4.	Государство и состязательность: состязается ли государство с гражданином и возможно ли «равенство оружия»?	306
§ 5.	Процессуальное обеспечение государством права обвиняемого (подозреваемого) на защиту	325
5.1.	Автономия права на защиту по отношению к состязательным конструкциям уголовного судопроизводства.	325
5.2.	Активное обеспечение государством права обвиняемого на защиту: принцип материальной истины	330
5.3.	Пассивное обеспечение государством права обвиняемого на защиту: право на активное участие в процессе и право на защитника.	335
§ 6.	Процессуальное обеспечение государством права потерпевшего на доступ к правосудию	340
6.1.	Попытки приватизации уголовного дела	341
6.2.	Потерпевший и государство	351
6.2.1.	В интересах кого действуют представители государства?	351
6.2.2.	Субсидиарная роль потерпевшего в уголовном судопроизводстве.	357
6.2.3.	Невозможность выравнивания процессуальных прав потерпевшего и обвиняемого (состязаются ли они между собой?)	362

*Глава третья***ГОСУДАРСТВО КАК ОТВЕТЧИК
ЗА УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО**

§ 1. Внутренняя ответственность государства за уголовное судопроизводство	368
1.1. Классический подход: политическая ответственность должностных лиц государства за уголовное судопроизводство в целом (перед всеми гражданами)	368
1.2. Новый подход: юридическая ответственность государства за качество расследования и рассмотрения уголовных дел (перед участниками уголовного судопроизводства)	378
1.3. Основания и пределы юридической ответственности государства перед участниками уголовного судопроизводства (за что должно отвечать государство?)	392
§ 2. Внешняя ответственность государства за уголовное судопроизводство	404
2.1. Государство как ответчик перед ЕСПЧ	404
2.2. Государство как ответчик в международном коммерческом и инвестиционном арбитраже	411
2.3. Государство как ответчик в иностранных судах	424
2.4. Ответственность третьих лиц за уголовное судопроизводство государства в иностранных судах	437
§ 3. Основания, пределы и демократическая легитимность внешней ответственности государства за уголовное судопроизводство	444

